

В.И. Михайленко
Уральский университет
Екатеринбург, Россия

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1918 -1991 гг.

Методологические подходы.

По нашему мнению, попытки создания всеобщей теории международных отношений представляются бесперспективными. Современные теории международных отношений распадаются на десятки конкурирующих между собой научных интерпретаций и школ. Даже попытки осмысления теоретических подходов и их типологизация не всегда выглядят убедительными. Например, один из наиболее авторитетных российских специалистов в области теории международных отношений Павел Цыганков выделяет в качестве критерия дифференциации научных направлений принцип «политических намерений» и на его основании выделяет *политический идеализм, политический реализм, модернизм, транснационализм и неомарксизм*¹. В результате такого деления в одном ряду сторонников «политического идеализма» оказались политические деятели В. Вильсон, Джон Ф. Даллес, З. Бжезинский, Дж. Картер и Дж. Буш и исследователи Р. Кларк и Л. Сон².

В современной России все более заметное место в оценке международных отношений и обосновании внешней политики занимают геополитические подходы. Причем геополитика, рассматриваемая как непротиворечивое фундаментальное знание, все более занимает то место, которое в течение советского периода принадлежало материалистическому детерминизму. Однако, если анализировать с точки зрения философии политики геополитические подходы З. Бжезинского (к примеру его недавнюю книгу «Великая шахматная доска») и современных российских традиционалистов А. Дугина, Э. Позднякова, то между этими, казалось бы, разными авторами, прослеживается общность в метафизическом отношении к познавательным возможностям геополитики как непротиворечивой и абсолютной науки о международных отношениях.

Констатацией этих и других фактов недостаточных эвристических возможностей науки международных отношений автор отнюдь не стремится отрицать познавательные возможности различных интерпретаций, но лишь подчеркнуть относительность и ограниченность средств современной науки в познании международных процессов.

Особенность нашего теоретического подхода определяется отношением к теории международных отношений как одной из частных наук об общественных явлениях, которая в конечном итоге находится в зависимости от общей философской постановки этой проблемы.

На наш взгляд реальный водораздел в познании международных отношений пролегает между теми, кто жестко детерминирует (с материалистических или идеалистических позиций) генезис международных отношений и теми, кто рассматривает международные процессы как постоянный переход от свободы к необходимости и обратно, то есть смотрит на международные отношения как на процесс пульсирующий и колебательный, а

¹ Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996. С.18.

² Там же. С.19.

его фиксированные моменты связывает с проявлениями компромисса свободы и необходимости.

Определив *необходимость* как область *фундаментальных ограничений*, мы можем достаточно строго утверждать, что *детерминизм* есть предельный случай во взаимодействии свободы и необходимости. Действительно, чем ближе мы подходим к границе области условий, совместимых с жизнью, тем строже обнаруживают себя причинно-следственные (каузальные) связи, тем все больше сужаются, постепенно сходя на нет, возможности выживания, тем вернее действует принцип «быть или не быть». В этом крайнем пределе *необходимость переходит в детерминизм, а свобода исчезает*.

Международные отношения можно рассматривать как процесс взаимоприспособления, взаимодействия свободы и необходимости, который осуществляется через *регуляцию и саморегуляцию*. Поскольку на первое место выходит проблема необходимости (выживания), то в мировом сообществе возникает и постоянно развивается огромный слой международной регуляции и регламентации (международно-правовой, политический, военно-политический, международные институты и т.п.). Каждому члену сообщества предписываются нормы поведения и определенные международные роли. Складывается своего рода мировой каркас, действующий зачастую более жестко, нежели собственно естественные ограничители, поскольку нарушения международных норм чреватые порой катастрофическими последствиями.

Таким образом, регуляция есть поиск *компромисса* между свободой и необходимостью. Этот поиск носит, прежде всего, *эвристический* характер³.

О характере и целях советской внешней политики.

Прежде, чем ответить на этот вопрос, важно понять: чем был Советский Союз? Какое место он занимал в цивилизационном процессе и какие решал задачи?

Чтобы осмыслить такое явление как советский коммунизм, необходимо оперировать более крупными категориями времени и пространства, не замыкаясь хронологически в XX в. и в параметрах одной страны.

Начиная с Французской революции, когда массы впервые проявили себя как протагонисты истории, последующие два века прошли под знаком массовых движений. Дж. Моссе охарактеризовал этот процесс как «национализация масс»⁴. Нам представляется более точным определение российского историка Б.Р. Лопухова, который писал о феномене «массовизма». Поскольку выход масс на политическую сцену далеко не всегда сопровождался «национализацией».

В России обучение масс политике произошло, как писал об этом Ф. Фюрз, в ходе первой мировой войны и именно в «патологической форме демократизации»⁵. Однако в отличие от ряда европейских стран *массовизм* в России приобрел *социальную*, а не *националистическую* направленность. Как рассчитывали большевики, это позволило перескочить через целый исторический период становления «национальных государств», который занял в Европе более 200 лет, и на огромном пространстве Российской империи приступили к решению более «прогрессивных» задач строительства

³ Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина/Мировая экономика и международные отношения. 1999. С. 110.

⁴ Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812 – 1933). Bologna: Il Mulino, 1975.

⁵ Furet F, Proccacci G. Controverso Novecento. Reser, 1995. P.16.

«социального государства». Однако, как показывает современная политическая ситуация на территориях бывшего Советского Союза, национальный вопрос оказался исторически отложенным, а не преодоленным.

В связи с этим я не разделяю мнение ряда авторов, среди них М. Агурски, утверждающих, что Советское руководство (по его определению «национал-большевики») с самого начала проводили последовательно националистическую политику⁶. Однако, по нашему мнению, ни в дореволюционной России, ни в советский период не произошло завоевание государства нацией, т.е. не сложилось *русское национальное государство*.

С постоянной неудовлетворенностью отсталой и догоняющей страны, имеющей колоссальные материальные и людские ресурсы, с населением, одурманенным мессианскими идеями и еще не научившимся по-буржуазному «жить для себя», Россия не могла не «купиться» на соблазнительные проекты исторического ускорения.

Обращение к проблеме национальной специфики революционных преобразований во второй половине 20-х гг., после УП конгресса Коминтерна, в конце 40-х гг. каждый раз вступало в непримиримое противоречие с основами марксизма-ленинизма и после тактического отступления завершалось насильственным приведением национального к интернациональным стандартам. Это и сталинские чистки национальных кадров коммунистических партий, репрессии в отношении «национальных моделей социализма» в ГДР, Венгрии, Китае, Албании, Чехословакии, идеологическая атака против «еврокоммунизма» Каррильо и Берлингуэра.

Автору уже доводилось писать об особенностях становления массового сознания россиян. И один из важнейших выводов сводился к наличию сильно выраженного архетипа общинного, коллективного, неиндивидуализированного сознания⁷.

Что изменилось в массовом сознании в советский период? Октябрьская революция 1917 г. стала событием не меньшей значимости для россиян, чем Французская революция 1789 г. для французов. Она существенно изменила весь общественный уклад россиян, модернизировала экономику и производственные отношения. По степени воздействия на общество и индивидуумов, на их духовную культуру ее можно сравнить со *светской реформацией*.

Столкновение различных субкультур, выделим прежде всего новоевропейского типа и традиционалистского общества, которое на протяжении нескольких столетий разделяло Россию, завершилось победой новоевропейской по форме и традиционалистской по существу субкультуры.

Основная масса носителей новоевропейской культуры - европейски образованная часть интеллигенции - была вытеснена за границу в годы гражданской войны, отправлена «философскими пароходами» с интеллигенцией в начале 20-х гг., уничтожена в годы сталинских репрессий. Надо ли удивляться, что на интеллектуальном уровне коллективистская идея практически не встретила массового противодействия.

Николай Бердяев, проживший пять лет в советской России до своей высылки за границу, писал, что «в стихии большевистской революции меня более всего поразило появление новых лиц с небывшим ранее выражением.»

⁶ Agursky M. La Terza Roma. Il nazionalbolscevismo in Unione Sovietica. Il Mulino, 1989. P. 10-11.

⁷ Mikhailenko V. Centro e periphery nello Stato russo// Relazioni Internazionali. 1995. Agosto; 1996. Gennaio.

“ни малейшего сходства с лицами старой русской интеллигенции, готовившей русскую революцию». «Новый антропологический тип вышел из войны, которая и дала большевистские кадры. Это тип столь же милитаризованный, как и тип фашистский». «В коммунистической атмосфере было что-то жуткое, я бы даже сказал, потустороннее»⁸.

Первичную ячейку советского общества составлял *советский человек*, не имеющий чувств национальных и исторических корней, в котором было подавлено собственническое, личностное и индивидуалистическое начало.

Что означает «государство» для россиянина? Исторически российское, а затем советское государство стремилось убедить россиянина в необходимости любить его, государство. Тем не менее, в сознании россиянина было и есть отчужденное и даже враждебное отношение к государству. Весьма условно можно говорить о национальном самосознании россиян. Социальные связи локальных общинных структур не успели перерасти в национальные. На уровне личностного и массового сознания еще не успели сформироваться национальные архетипы.

Таким образом, мы можем говорить об иной, чем национальное государство, матрице Советского государства. Какой была эта матрица? Итальянский исследователь Карло Мария Санторо справедливо полагает, что самоутверждение русской национальной идентичности происходило через экспансию имперского государства. Так и не консолидировавшись, русская национальная идентичность все время оставалась в подвешенном состоянии между определением “русский” (этнически) и “россиянин” (житель России). Если говорить о патриотической идентичности, то ее единственный смысл выражается через понятие “Родина”, а не нация, поскольку оно основывается на территориальной, а не этнической общности. Таким образом, русский патриотизм является формой гражданско-территориального, а не этнического национализма⁹.

Причины успеха ленинского плана создания космополитического государства, объединенного интернационалистской идеей, заключались прежде всего в том, что в своей матрице они мало чем отличались от мессианских идей русского православия. «Россия немыслима без империи», - утверждает А.Г. Дугин¹⁰. Имперско-территориальное мышление имеет религиозную матрицу и занимает центральное место в русском православии, во всей византийско-христианской политической культуре. Эта матрица, освобожденная от религиозного языка, была использована для обоснования Союза Советских Социалистических Республик, на ее основе развиваются современные концепции строительства национальных государств в европейской части СНГ.

В национальном вопросе большевики исходили из механистического представления о том, что интернационализация капитала неминуемо ведет к утрате актуальности вопроса о национальной государственности. В любом случае борьба за национальное самоопределение тесно увязывалась с “революционной массовой борьбой за свержение буржуазии и за осуществление социализма”. На первый план выдвигались “интересы классовой борьбы рабочих при всяких возможных изменениях государственных границ”, “не интересы наций, а интересы братства, солидарности *рабочих* разных наций”¹¹.

⁸ Бердяев Н. Самопознание. С. 214.

⁹ Santoro C.M. La politica estera e strategia della Russia// Affari Esteri. 1994. Aprile.

¹⁰ Дугин А. Консервативная революция. М., 1994. С. 193.

¹¹ Там же. С.266, 441.

Вторая мировая война внесла существенный акцент в национальную политику сталинского режима, когда был использован понятийный аппарат и концепции, восходящие к великодержавной российской империи. В своем первом выступлении в связи с нападением нацистской Германии Сталин обратился к народу не с традиционным приветствием "Товарищи!", а "Братья и сестры!" Патриотические лозунги ассоциировались с понятием "Родина-мать". Впервые в советский период был поставлен вопрос о "старшем брате", "руководящей силе русского народа". Реанимация панславянской концепции также относилась к заключительному этапу второй мировой войны.

В послевоенный период создание *блока социалистических государств* проходило под знаком развития «братства социалистических народов», реализации «принципов социалистического реализма».

Логическим итогом советской национальной политики стало декларирование полного слияния различных наций в бесполоую *вненациональную общность - единый советский народ*. Такова была формальная, официальная сторона советской национальной политики, которая утверждала о полной гармонии национальных отношений. Можно согласиться с утверждением Г. Старовойтовой в том, что концепция новой исторической общности - советского народа - «на самом деле служила прикрытием ассимиляторской политики, ведущей к уничтожению культурной самобытности всех народов страны, включая русский народ»¹².

Как только «перестройка» ослабила репрессивный механизм, национальные проблемы начали сотрясать огромную страну. Перечислим лишь некоторые из них: события 1986-1988 гг. в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Якутии, Алма-Ате, Душанбе, Фергане, Молдавии, не говоря уже о Прибалтике. Партийное руководство оказалось в растерянности. В феврале 1986 г. на XXVII съезде КПСС М.С. Горбачев об «успешной решенности национального вопроса в Советском Союзе», в сентябре 1987 г. партийный орган «Коммунист» квалифицировал национальные выступления как «экстремистские». А в феврале 1988 г. на Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев

---

¹² Старовойтова Г. Государство, общество, нация// Через тернии. М., 1990. С. 362..

уже говорил о «росте национального самосознания у всех наций и народностей страны, о проявлениях национальных чувств». Один из протагонистов того времени бывший глава правительства Н.С. Рыжков винит М.С. Горбачева в «запаздывании» с принятием решений по национальным вопросам¹³.

Имперская по форме национальная политика коммунистов имела существенные отличия от той, что осуществлялась в дооктябрьский период царской Россией, и которая осуществлялась, например, США или европейскими странами.

Во-первых, идеологической основой являлась универсальная интернационалистская идеология, объединяющий потенциал которой был исчерпан в короткий срок. СССР создавался не как национальный, а интернациональный союз пролетарских государств, который должен был превратиться в Мировую Социалистическую Советскую Республику. Во-вторых, в советский период искусственно сдерживался процесс вызревания русского национального архетипа, который не мог быть «объединяющей нацией». В итоге русские более других народов были интернационализированы и дестнизированы.

Как это не покажется парадоксальным, в стране, где провозглашался принцип «экономика определяет политику» на самом деле всегда первенствовал примат *политической идеологии*, чуждой национальным интересам. Основу советской идеологической доктрины составляла умозрительная, иррациональная, нежизненная конструкция.

Во внешней политике на протяжении всего советского периода не учитывались такие параметры как *национальный интерес* и *национальная безопасность*. Есть даже многие основания для утверждения, что советская внешняя политика *всегда* была *антинациональной*. Это касается и тех исторических периодов, когда Сталину удалось существенно расширить территорию СССР, а в послевоенный период создать стратегический паритет с США. Эти временно достигнутые преимущества никогда не использовались в национальных интересах и с ними легко расставались в силу примата идеологических причин.

СССР и Восточная Европа в 1918 – 1991 гг.: цивилизационный аспект международных отношений.

Книга З. Бжезинского «Великая шахматная доска»¹⁴ представляет прекрасный аналитический материал для компаративного исследования международных отношений всего XX века. З. Бжезинский устанавливает некую иерархию в системах международных отношений: *геополитические центры*, обусловленные географическим положением, *геостратегические активные страны*, *средние* и *малые государства*, которые выстраиваются за двумя первыми.

При любых геополитических конструкциях малые страны обречены на ограничение их суверенитета. Однако существует множество факторов определяющих качественную сторону взаимоотношений малых стран с геополитическими центрами. Нам хотелось бы обратить внимание на один из этих факторов, имеющий цивилизационный аспект.

¹³ Рыжков Н. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 198-224.

¹⁴ Brzezinski. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Basic Books. Рус. Перевод: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

В вышеупомянутой книге З. Бжезинского отмечается, что «...Россия в культурном отношении вызывала презрение со стороны большинства своих вассалов в Центральной Европе и еще большее презрение со стороны своего главного и все более несговорчивого восточного союзника – Китая. Для представителей Центральной Европы российское господство означало изоляцию от того, что они считали своим домом с точки зрения философии и культуры: от Западной Европы и ее религиозных христианских традиций. Хуже того, это означало господство народа, который жители Центральной Европы, часто несправедливо, считали ниже себя в культурном развитии»¹⁵.

Я не разделяю мнение Бжезинского о «культурной отсталости» России, тем более со стороны представителя страны, основной импортной статьей которой является то, чего больше всего ей недостает – культурных ценностей. К сожалению, для россиян российская составляющая в американском импорте культуры вчера и сегодня является весьма существенной.

Вместе с тем проблема «автаркии культуры» коммунистического режима заслуживает внимания при рассмотрении советской внешней политики. З. Бжезинский прав, когда пишет, что народы Восточной Европы чувствовали себя оторванными от европейского дома. И это несмотря на очевидный парадокс того, что в советском блоке страны Восточной Европы ощущали себя в авангарде социалистической цивилизации, тем не менее, после падения берлинской стены добровольно предпочли этому статусу маргинальное положение в объединяющейся Европе.

Основное отличие советского режима касалось тех аспектов, которые были особенно ощутимы на уровне «обыденной», «срединной» культуры и касались не индивидуализированного труда, быта, религиозных ценностей, стиля жизни, этики производственных отношений. Именно эта сторона не высокой, а «срединной» культуры способствовала неприятию Советского Союза в массовом общественном сознании в странах Восточной Европы.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что для анализа внешней политики СССР применимы многие теоретические подходы, используемые современной наукой. Однако в любом случае необходимо учитывать «цивилизационную инородность» коммунистического режима.

О периодизации советской внешней политики.

За последнее десятилетие в России не вышло ни одной публикации, в которой было бы предпринято комплексное исследование советской внешней политики по типу той работы, что была проделана авторами многотомной «Истории дипломатии» или «Истории международных отношений и внешней политики СССР».

В программе кандидатского экзамена по истории международных отношений, разработанной МГИМО, в основу положена периодизация собственно международных отношений, а не внешней политики СССР.

В целом можно констатировать, что в современной России проблема периодизации советской внешней политики и обоснования ее этапов пока не была поставлена как исследовательская проблема.

Из зарубежных работ последних лет, обращенных к международному положению стран Центральной и Восточной Европы, я бы выделил книгу

¹⁵ Там же. С.19.

французского дипломата, бывшего послом Франции в Софии и Бухаресте Жан-Мари Ле Бретона¹⁶.

В данном докладе предпринята попытка высказать некоторые соображения по данной теме без претензии на исчерпывающий ответ.

Первый период Советской внешней политики (1917 – 1932 гг.) – революционного романтизма и антиуниверсальной политики.

Второй период (1934 – июль 1939 гг.) – проуниверсальной политики и системы коллективной безопасности.

Третий период – (август 1939 – июнь 1941 гг.) – профашистской политики и имперской экспансии.

Четвертый период (июнь 1941 – 1948 гг.) – сотрудничества в антигитлеровской коалиции и участие в разделе мира на сферы влияния (Ялтинский мировой порядок).

Пятый период (с конца 40-х гг. – до середины 50-х гг.) – перехода к холодной войне и оформлению двух военно-политических блоков.

Шестой период (вторая половина 50-х гг. – середина 70-х гг.) – становление биполярного равновесия.

Седьмой период (вторая половина 70-х гг. – середина 80-х гг.) – поддержание биполярного равновесия на пределе сил.

Восьмой период (вторая половина 80-х гг.) – крах биполярной политики и Ялтинской системы.

Девятый период (с 1991 г.) – современная Россия в поисках собственного места в архитектуре нового мирового порядка.

Первый период Советской внешней политики (1917 – 1932 гг.) – революционного романтизма и антиуниверсальной политики.

Феномен Советской империи и внешняя политика. Большевики провозгласили самую радикальную позицию по национальному вопросу: «Полную свободу всем народам, населяющим Россию, вплоть до предоставления национальной независимости». Лидер большевиков Ленин, в ожидании мировой революции, рассуждал в ноябре 1917 г. о том, что «нас не интересует вопрос о границах», «значительно важнее союз трудящихся всего мира». После провозглашения в 1922 г. Советского Союза установленные границы между советскими республиками были нарезаны исключительно по идеологическим и политическим признакам и не совпадали с районами компактного проживания этносов.

Исходя из ленинского тезиса, большевики с легкостью предоставили независимость Польше, Финляндии и Туве, чтобы при первом же удобном случае ее нарушить.

В вступном разделе первой Конституции СССР было официально записано: «Объединить трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику».

Первоначально не Коммунистический Интернационал был подчинен политическим интересам советской России, а напротив национальные интересы были подчинены задачам создания наднационального мирового государства. В Манифесте Второго Конгресса Коминтерна (1920 г.) указывалось, что «Коммунистический Интернационал является партией революционного

¹⁶ В данной статье используется итальянское издание книги: Le Breton J.-M. Una storia infausta. L'Europa Centrale e Orientale dal 1917 al 1990. Bologna: Il Mulino, 1997.

восстания мирового пролетариата... Советская Германия, объединенная с Советской Россией, станут сильнее всех капиталистических государств... Мировой пролетариат не завершит свою работу вплоть до того момента, когда Советская Россия войдет в Федерацию Советских республик всего мира».

Во время известного похода на Варшаву в 1920 г. командующий Тухачевский бросил клич: «На штыках мы принесем счастье и мир трудящимся всего мира. Вперед! На Запад! На Варшаву! На Берлин!»

После провала похода на Польшу Ленин заявил: «Европа еще не готова к мировой революции».

В 1923 г., когда Ленин был парализован, власть в России фактически перешла в руки руководителей Коммунистического Интернационала. Как известно, именно в этот период они готовили революционные восстания в Германии и Болгарии.

В 1931 г. на смену идее мировой революции пришла идея мировой контрреволюции, и задачей всех коммунистов стало защищать СССР. Фактически ко всему периоду между двумя мировыми войнами Советское руководство подходило с оценкой как вынужденной «передышки» перед началом мировой революции.

Заложником идеи «мировой революции» стал, прежде всего, русский народ, направивший лучшие людские и физические ресурсы страны на осуществление этой бредовой идеи. Но в отличие, от стран, геополитически и насильно втянутых в орбиту коминтерновской идеи, русский народ стал не только жертвой, но и в силу специфики исторического развития России соучастником этого процесса.

Таким образом, отношение Советского руководства к созданной в 1919 г. Версальской системе международных отношений было подчинено решению основной стратегической задачи – мировой революции.

В начале рассматриваемого периода СССР вместе с другими ревизионистскими государствами Германией и Италией, а с середины 20-х гг. без них выступал в качестве непримиримого противника Версальской системы.

В российской литературе не исследовано влияние мирового экономического кризиса 1929-1932 гг. на внешнеполитические подходы Сталина и его единомышленников. Одним из последствий мирового экономического кризиса стал резкий переход США, Великобритании и Франции от открытой экономики к жесткому протекционизму в рамках собственных «жизненных пространств». С 1933 г. на путь создания собственных «жизненных пространств» встали Германия и Италия.

По схожей геополитической стратегии стала развиваться советская внешняя политика, начиная с августа 1939 г. и до 1989 г. Мы можем только предполагать, что Сталинское руководство проанализировало геополитические правила, легшие в основу политики мировых держав, и стало руководствоваться ими при разработке своей внешнеполитической стратегии. Об этом мы можем судить по фактам Советской внешней политики. Однако вплоть до настоящего времени исследователи не имеют точного представления о механизме принятия внешнеполитических решений Советским руководством.

Второй период (1934 – июль 1939 гг.) – проверсальской политики и системы коллективной безопасности.

Вплоть до 1943-1944 гг., когда благодаря победам Советской Армии произошел коренной поворот во второй мировой войне, СССР не являлся

субъектом первой величины в мировой политике. Его влияние на мировые внешнеполитические процессы оставалось регионально ограниченным. В связи с этим СССР не может нести той ответственности за мировую политику, приведшей ко Второй мировой войне, которая лежит на правительствах США, Великобритании, Франции и Германии.

Игнорирование советских предложений по созданию Восточного пакта, отсутствие представителей СССР за столом мюнхенских переговоров не являлось проявлением антисоветизма, а отражением реального маргинального места и роли СССР в европейской политике накануне второй мировой войны.

Никакого реального влияния на страны Восточной Европы Советский Союз не оказывал накануне второй мировой войны. Неудивительно, что в период мюнхенского кризиса правительство Чехословакии оглядывалось в большей степени на позицию Франции, чем СССР.

С точки зрения геополитической теории СССР не являлся в данный период *геополитическим центром*, и отношение к нему других государств соответствовало этому статусу.

Относительно советско-германских отношений накануне второй мировой войны и советско-германского сближения, можно отметить, что открытые в последнее время архивы содержат доказательства нарушения Советским Союзом версальских ограничений перевооружения Германии, относящиеся главным образом к периоду Веймарской республики¹⁷.

Выводы некоторых исследователей, например, в недавно вышедшей книге Е. Ага-Росси и В. Заславского о том, что Сталин с конца 1937 г. «начал постепенно осуществлять политику сближения с нацистской Германией... и искать сотрудничества с экспансионистской Германией с целью заключения соглашения о разделе мира»¹⁸, не находят подтверждения в архивных документах.

В недавно опубликованной статье С. Горлова, основанной на архивных материалах, отмечается, что впервые Молотов направил в посольство СССР в Берлине инструкцию, в которой советская сторона должна была подчеркнуть желание улучшить экономические и политические отношения между двумя странами. Начиная с 3 августа 1939 г. центр переговоров перемещается в Москву, и только 15 августа был сделан решающий шаг в советско-германском сближении. Только 19 августа было достигнуто соглашение о возможности приезда Риббентропа в Москву в период 26-27 августа¹⁹.

Недавно мне довелось рецензировать книгу канадского историка М. Дж. Калей, посвященную англо-франко-советским переговорам 1939 г.²⁰ вывод автора сводится к тому, что мюнхенский кризис и провал англо-франко-советских переговоров в 1939 г. привел непосредственно к советско-нацистскому пакту о ненападении²¹. При этом основную вину за провал переговоров он возлагает на западные державы.

Третий период – (август 1939 – июнь 1941 гг.) – профашистской политики и имперской экспансии.

¹⁷ Дух Рапалло. Советско-германские отношения, 1925 – 1933. Под ред. Г.Н. Севостьянова. Екатеринбург, М., 1997.

¹⁸ Aга-Rossi E., Zaslavsky V. Togliatti e Stalin. Il PCI e la politica estera staliniana negli archivi di Mosca. Il Mulino, 1997. P.34.

¹⁹ Новая и новейшая история. 1993. № 4.

²⁰ Carley M. J. 1939: The Alliance that Never was and the Coming of World War II. Chicago, 1999.

²¹ Ibid. P.258.

Утверждения о том, что советско-германский пакт исключил для Германии опасность войны на два фронта и тем самым приблизил вторую мировую войну, не представляются убедительными. Как известно, до мая 1940 г. не было даже одного фронта войны против Германии.

Как исследователь итальянской внешней политики я высказывал гипотезу о том, что объявление Англией и Францией войны Германии преследовало лишь цель не допустить вступления Италии в войну и распространения тем самым военных действий в зоне Средиземного моря.

Западные демократии стремились защитить, прежде всего, свои источники сырья и коммуникации.

Значительно раньше, в период Мюнхенского соглашения они сдали противнику Центральную и Восточную Европу. Версальская система межгосударственных отношений в ее европейской зоне прекратила свое существование. Начался циничный передел Центральной и Восточной Европы, в которой не оставалось места независимости малых государств.

Секретные протоколы были циничным переделом рухнувшей системы. Почувствовавший возможность стать региональным геополитическим центром Советский Союз стремился не упустить случай для создания собственной сферы влияния и не допустить расширения зоны германского влияния. В мировой практике вопрос о сферах влияния не сходит с повестки дня и крайне обостряется в переломные периоды перехода от одной системы к другой. Каждый из партнеров преследовал свои собственные интересы и не сомневался в краткосрочности пакта о ненападении.

Вместе с тем советско-германский договор о ненападении и секретные протоколы к нему не были *обычной* практикой международных отношений, как об этом утверждалось в 1989 г. в сообщении Комиссии Съезда народных депутатов СССР. В сообщении говорилось, что сам по себе договор с юридической точки зрения не выходил за рамки принятых в то время соглашений, не нарушал внутреннего законодательства и международных обязательств СССР.

Мы разделяем точку зрения молодого юриста-исследователя А.А. Пронина, который доказывает, что весь блок советско-германских договоренностей, заключенных 23 августа 1939 г. представлял собой нарушение обязательств, взятых на себя правительством СССР согласно пакту Бриана-Келлога, разрешать все могущие возникнуть разногласия или конфликты исключительно мирными средствами. С подписанием советско-германского пакта обе страны присвоили себе право покушаться путем вооруженного насилия на суверенитет других государств²².

Таким образом, с международно-правовой точки зрения блок советско-германских соглашений содержал в себе агрессивные намерения в отношении третьих государств, которые в последующем были реализованы. Другое дело, что к этому времени уже сложилась практика пересмотра основ Версальской системы на основе сговора отдельных государств в обход мирового сообщества. Среди наиболее ярких примеров такой международной практики был мюнхенский сговор.

В ряду результатов советско-германского соглашения находится т.н. «воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии», осуществленное в обход каких-либо договоренностей с правительством Польши и международных

²² Пронин А.А. Советско-германские соглашения 1939 г. Истоки и последствия. Екатеринбург, 1998. С.42-43.

соглашений. Ссылки на то, что польское правительство распалось и польское государство перестало существовать не соответствовали действительности. Ввод советских войск на территорию Польши означал нарушение Советским Союзом ряда двусторонних соглашений, норм международного права и подпадал под определение агрессии²³.

Сложнее, на наш взгляд, обстоит дело с международно-правовой характеристикой договоров с Литвой, Латвией и Эстонией об их «добровольном вхождении» в состав Советского Союза. Сам факт отказа независимого государства от части или полного суверенитета не является основанием для обвинения в нарушении международных договоров.

По советско-германским секретным соглашениям от 23 августа и 28 сентября 1939 г. Эстония, Латвия и Литва, а также Финляндия, входили в сферу интересов Советского Союза. В конце сентября - начале октября советское руководство оказало усиленный нажим на правительства трех прибалтийских государств, добиваясь от них заключения двусторонних пактов о взаимопомощи с правом для СССР иметь на территории этих стран военные базы и размещать там свои воинские гарнизоны.

Пакт о взаимопомощи СССР с Эстонией был подписан 28 сентября, с Латвией - 5 октября, договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской Области и о взаимопомощи между СССР и Литвой - 10 октября. По этим договорам обе стороны обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы. Эстония, Латвия и Литва предоставили СССР право иметь на их территории военные и военно-морские базы, а также размещать на этих базах гарнизоны численностью до 20 - 25 тыс. человек. Договор с Литвой предусматривал передачу ей Вильно и Виленской области, которые до сентября 1939 г. принадлежали Польше.

Пакты о взаимопомощи были целесообразной и оправданной мерой в условиях войны. Они обеспечивали государственные интересы СССР в Балтийском регионе.

Заключение договоров СССР о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой соответствовало международной практике и стало частью установления контроля Советского Союза над его сферой влияния. Первоначально советское руководство не предполагало осуществлять советизацию балтийских республик.

«Мы думаем, - говорил Сталин Димитрову 25 октября, - что в пактах взаимопомощи (Эстония, Латвия, Литва) нашли ту форму, которая позволяет нам поставить в орбиту Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать - строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизирования». Некоторое время советские власти действительно придерживались этой установки²⁴.

Капитуляция Франции сорвала расчеты Сталина на затяжной конфликт на Западе. Подчинив себе почти весь промышленно-военный потенциал Европы, нацистская Германия могла сосредоточиться на подготовке войны с Советским Союзом. Коренное изменение военно-политической ситуации в мае - июне 1940 г. побудило советское руководство осуществить ускоренную советизацию трех балтийских государств.

²³ Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика в период второй мировой войны... Курс лекций по истории международных отношений. М., 1999. С.31.

²⁴ Там же. С.33

После предъявления ультиматума советские войска вступили 15 июня на территорию Литвы, 17 июня – на территории Латвии и Эстонии. Вслед за этим к власти были приведены коммунистические режимы. Формально говоря вопрос о вступлении балтийских республик в состав СССР был принят парламентами этих стран. Но сами выборы и принятые решения проходили в условиях беспрепятственного военного и политического давления со стороны СССР. Таким образом, назвать вступление балтийских государств в СССР результатом свободного волеизъявления их народов нельзя даже при самом сильном воображении.

Вслед за Прибалтикой были присоединены Бессарабия и Северная Буковина. В ноябре 1940 г. в ходе визита Молотова в Берлин были предприняты попытки расширить советскую сферу влияния на основе дальнейшего сотрудничества с Германией. Речь шла о Финляндии, Болгарии, зоне черноморских Проливов, включая Турцию.

Советское руководство в какой-то степени повторило ошибку западных демократий, заплативших серией жестоких поражений за попытки договориться с Гитлером. Не избежал этого просчета и Советский Союз.

Советское руководство не смогло извлечь положительного результата для укрепления национальной безопасности из территориального расширения сферы влияния. Напротив, советская экспансия сопровождалась насаждением советского политического режима и коммунистической идеологии. В цивилизационном плане это решительно расходилось с историческим выбором народов Восточной Европы и Балтии и заключало в себе потенциал неминуемого краха советской сферы влияния.

Четвертый период (июнь 1941 – 1948 гг.) – сотрудничества в антигитлеровской коалиции и участие в Ялтинском мире (переделе мира на сферы влияния).

То, что Советский Союз в дальнейшем оказался на стороне антифашистского демократического блока, не было результатом свободного выбора новых союзников. Нацистская Германия осуществила нападение и у советского руководства других вариантов не оставалось.

В современной российской и зарубежной литературе продолжается дискуссия о соотношении идеологии и *Realpolitik* в политике советского руководства в период сотрудничества в антифашистском блоке²⁵.

Мой вывод сводится к тому, что безраздельная концентрация власти в руках Сталина, действовавшего без оглядки на членов Политбюро, позволяла Сталину быть более реалистичным в своих действиях, чем, например, Брежневу в период «коллективного руководства». В последние годы жизни Сталин редко прибегал к бонапартизму в политике, решительно расправляясь с возрастающим влиянием лоббистских групп. Например, после окончания войны Сталин решительными действиями уменьшил влияние группы военных.

Открытие доступа к российским архивам позволило выявить более сложную картину внешней политики Советского Союза в отношении стран Восточной Европы в послевоенный период, чем это предполагалось ранее.

К разработке планов послевоенного устройства Советское руководство приступило еще на начальном этапе войны. Во время визита в СССР в декабре

²⁵ См., например, в кн.: Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999.

1941 г. английский министр иностранных дел А. Иден был поражен глубиной и масштабностью разработки этих вопросов в Москве²⁶.

В целом Москва исходила из концепции зон влияния. В сферу особых интересов СССР входила Восточная Европа. Москвой этот регион рассматривался в первую очередь как пояс безопасности советского государства по западному и балканскому периметру советских границ.

Программа Сталина включала следующие пункты: восстановление советских границ в пределах, которые существовали до июня 1941 г., включение Финляндии и Румынии в советскую зону влияния путем заключения с ними военных договоров и размещения там советских военных баз, ослабление и расчленение Германии, восстановление независимости стран, захваченных Германией, передел границ в пользу Чехословакии, Югославии и Румынии, предоставление компенсаций Турции за сохранение ею нейтралитета в войне (к концу войны Сталин отказался от этой идеи), признание включения Бельгии и Голландии, возможно также Дании в британскую зону влияния.

Зимой 1943-1944 гг. были организованы три комиссии при министерстве иностранных дел с целью разработки предложений о послевоенном мировом порядке. Среди разработанных концепций послевоенного мира заметное место занимает разработка крупного советского дипломата И.М. Майского, представленная 10 января 1944 г. наркому иностранных дел В.М. Молотову.

«Общая установка» Майского заключалась в формулировании центральной внешнеполитической задачи СССР на послевоенное время - добиться гарантии безопасности Советского Союза и сохранения мира «в течение длительного срока» («минимум 30 — максимум 50 лет»). Из этого срока 10 лет отводилось на «залечивание ран», нанесенных Советскому Союзу войной. Принципиально важно подчеркнуть приоритет задач внутреннего характера, решению которых предстояло подчинить все усилия на внешнеполитическом фронте. За указанные 30-50 лет СССР должен был стать могущественной державой, которой не страшна никакая агрессия. Континентальной Европе предстояло за это время превратиться в социалистическую, что в принципе, по мысли Майского, исключило бы любые новые войны. В записке Майского многократно подчеркивалась острая необходимость поддержания хороших отношений СССР с западными партнерами, прежде всего с США и Англией, как с точки зрения решения экономических задач СССР, так и сохранения мира. На завершающем этапе войны советское руководство, решая основную для себя задачу создания пояса безопасности (как показывают документы, считалось, что серьезная угроза по-прежнему исходила из Германии), должно было обеспечить установление в малых странах региона дружественных СССР режимов²⁷.

В октябре 1944 г. Черчилль и Сталин достигли соглашения о разделе сфер влияния в Восточной и Южной Европе. Великобритания признала советские интересы в Румынии, Венгрии, Болгарии. В ответ советское руководство признало британские интересы в Греции. В отношении Югославии договорились о соотношении 50:50. Зам. министра Литвинов писал о

²⁶ Волокитина Т.В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х гг.: от компромиссов к конфронтации// Сталинское десятилетие холодной войны. С.10.

²⁷ Там же. С.11 – 12.

возможности послевоенного англо-советского сотрудничества на основе принципов разграничения сфер влияния в Европе. К максимальным советским интересам он относил Финляндию, Швецию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, славянские страны на Балканах, Турцию.

В 1944-1945 гг. Сталин неоднократно подчеркивал необходимость для восточноевропейских политиков иметь дружественные отношения как с Советским Союзом, так непременно и с западными державами. Например, во время встречи с руководителем польской правительственной делегации Миколойчиком в Москве 9 августа 1944 г. в ответ на заявления польского лидера, что «между Польшей и Советским Союзом будут установлены доверие и дружба», Сталин подчеркнул: «Польша должна иметь также союз с Англией, Францией и США»²⁸. Аналогичная линия проводилась в отношении Чехословакии, Югославии, Болгарии и других восточноевропейских стран.

Необходимо подчеркнуть, что советское присутствие в странах Восточной Европы было санкционировано Большой тройкой держав-победителей во Второй мировой войне и отражало реальное соотношение сил в послевоенный период. Впервые Советский Союз был признан мировой державой и за ним утверждалась его сфера интересов. Эта позиция СССР была закреплена в Декларации об Освобождении Европы, подписанной в ходе Крымской конференции в феврале 1945 г., а также двусторонними договорами СССР с Чехословакией, Польшей, Югославией, и договорами о перемирии с Болгарией, Венгрией и Румынией.

Согласно указанным соглашениям на территории стран Восточной Европы размещались советские войска, военные комендатуры, дипломатические представительства, различные группы, военных, экономических и политических советников, оперативные группы НКВД с большими возможностями влияния на политическую обстановку в этих странах.

Тем не менее, как показывают архивные документы, на ранней послевоенной стадии советское руководство больше внимания уделяло созданию «пояса безопасности» против будущей германской угрозы, чем стремилось советизировать Восточную Европу. Поэтому основная задача сводилась к поддержке дружественных Советскому Союзу режимов. Исходя из этой установки, советское руководство поддерживало контакты не только с коммунистами, но и с другими демократическими политическими силами в странах Восточной Европы.

В этот период даже использовалось понятие «формула Бенеша», по имени президента Чехословакии. Суть концепции заключалась в выборе «национального пути» к социализму, под которой первоначально понимался переход к социализму в условиях народной демократии, минуя диктатуру пролетариата. Сталин лично подыскивал политических лидеров в Восточной Европе «типа Бенеша». Например, его интерес привлекал Паасикиви в Финляндии.

В 1944-1945 гг. советские руководители использовали в достижении своей стратегии методы поиска компромисса с целью организации власти на широкой демократической основе с привлечением различных политических сил

²⁸ Там же.

и силовое давление на политических противников. К примеру, осенью 1944 г. отряды НКВД нанесли удар по силам польской Армии Крайовой.

Весной 1945 г. в Румынии советское руководство использовало методы военного и политического давления, чтобы привести к власти правительство Грозу, в состав которого вошли коммунисты. Специально для осуществления контроля за ситуацией в Бухарест прибыл зам. Министра Вышинский.

Дефашизация государственного аппарата использовалась в странах Восточной Европы для устранения политических противников.

Документы московских архивов доказывают, что вплоть до 1947 г. советское руководство придерживалось концепции “мирного, национального пути к социализму” стран Восточной Европы и строго контролировали радикальные устремления некоторых коммунистических партий. Сталин напрямую критиковал болгарских коммунистов за слишком радикальную политику и отказ от создания демократических блоков. После победы крестьянской партии на выборах в местные органы власти в Будапеште посол Пушкин критиковал венгерских коммунистов за отказ от участия в демократическом блоке. Критике подвергались французские коммунисты за их уход из правительства в мае 1947 г. Несмотря на растущие противоречия, архитекторы Ялтинской системы проявляли сдержанность стремились избежать крупномасштабного конфликта. Провозгласив разделение мира на два лагеря, Москва, тем не менее, в реальной политике продолжала занимать осторожную политику в отношении Запада, стараясь не обострять международную обстановку. Как показывают документы, приведенные в публикациях Т.В. Волокитиной, Советское руководство отклонило предложение болгарского и югославского руководств о создании федерации балканских государств, сдерживало «радикализм» Тито в отношении притязаний на Триест и Албанию, категорически отклонило предложение венгерского лидера Ракоши и югославского Джиласа оказать поддержку итальянским коммунистам и социалистам в связи с их исключением из состава правительства.

Курс советского руководства на ускорение политических преобразований в странах Восточной Европы усиливается по мере наступления холодной войны.

В мировой историографии продолжается дискуссия по вопросу о *причинах* возникновения холодной войны. Мы придерживаемся мнения, что ее возникновение связано с наложением многих факторов, включая межличностные отношения лидеров великих держав. Например, архивные документы показывают, что лично Сталин был очень уязвлен известной фултонской речью Черчилля. Он не ожидал таких нападок от бывшего партнера по антифашистской коалиции. Сильное влияние на советское руководство, особенно чувствительное к германскому фактору, оказывала поступающая информация о ремилитаризации Западной Германии. Одной из причин враждебного отношения Советского руководства к плану Маршалла явилась информация, поступившая через каналы секретных служб, о том, что центральным звеном восстанавливаемой Европы станет Германия. Фактор «германской опасности» использовался советским руководством как средство мощнейшего нажима на страны Восточной Европы, чтобы не допустить их присоединения к плану Маршалла. Но основным фактором, влиявшим на

формирование двух противоборствующих блоков, являлось все возрастающие геополитические притязания двух сторон. Ответственность, таким образом, за возникновение холодной войны несут все основные субъекты послевоенных международных отношений.

Реализация плана Маршала и отказ под советским нажимом стран Восточной Европы от участия в нем стали решающим фактором раскола Европы. Линия на военно-политическую конфронтацию внутри бока победителей стала отчетливо проявляться в 1947 г. и это сразу же отразилось на усилении нажима советского руководства в пользу ускорения социалистических преобразований в Восточной Европе. Решающим признаком этого поворота можно считать создание Коминформа в сентябре 1947 г. В течение 1947 г. были вскрыты так называемые «заговоры» в руководстве стран Восточной Европы, за которыми последовала большевизация политических режимов в этих странах. Советско-югославский конфликт стал прямым результатом смены стратегического курса советского руководства и нанесения удара по сторонникам «национального пути к социализму».

В так называемые «свинцовые годы» был сделан важный шаг в строительстве «советской империи». С 1948 г. советское руководство устанавливает жесткий политический, идеологический, экономический и военный контроль над сателлитами в Восточной Европе. В жертву тотальному контролю над социалистическим лагерем были принесены советско-югославские отношения.

Вместе с тем я разделяю точку зрения Н.И. Егоровой, утверждающей, что Сталин в вопросах национальной безопасности мыслит категориями «старомодной концепции «географической безопасности», баланса сил и раздела мира на сферы влияния»²⁹. В сталинской внешней политике задача «географической безопасности» выходила на первый план и влекла за собой неожиданную для Сталина маневренность и гибкость во внешней политике, зачастую нанося ущерб идеологическим принципам. Как не покажется парадоксальным, но этой гибкости в дальнейшем недоставало многим советским руководителям.

Идеологический догматизм и политическая негибкость советского руководства, в т.ч. Горбачева, в реформировании подходов к собственной сфере влияния привели в конечном итоге к катастрофическим последствиям для национальной системы безопасности.

Пятый период (с конца 40-х гг. – до середины 50-х гг.) – «свинцовые годы» холодной войны и оформление двух военно-политических блоков.

Основные этапы становления советско-американского противоборства в первой половине 50-х гг. достаточно хорошо описаны в российской и зарубежной литературе. Значительно меньше известно о механизме принятия решений в советском руководстве, о выработке им решений по общим и особенно частным вопросам стратегии в Восточной Европе о мотивах изменения стратегии и ее новом содержании.

²⁹ Егорова Н.И. Европейская безопасность и «угроза» НАТО в оценках сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны. С.60.

В качестве примера сошлемся на исследование А. Улуныя греческого направления советской внешней политики в первой половине 50-х гг.³⁰

В середине 1950 г. советское руководство в секретном специальном решении определило одним из внешнеполитических приоритетов СССР активную работу по созданию массовых организаций на Западе, стоящих объективно на выгодных для Советского Союза позициях. В тексте этого решения, не допускавшего сомнений относительно важности подобных объединений как инструмента «внутреннего воздействия» на политическую ситуацию в странах Запада, делался вывод: «...имеют место серьезные недостатки, которые препятствуют дальнейшему разворачиванию движения сторонников мира. Крупнейшим из этих недостатков является все еще определенная узость движения сторонников мира в ряде стран. Движение сторонников мира носит зачастую узкопартийный характер, к нему слабо привлекаются некоммунистические деятели и организации, которые могут стать участниками движения в защиту мира».

Расширявшаяся кампании борьбы за мир, чему способствовали как объективные, так и субъективные факторы, играла в планах теоретиков международного коммунизма не абстрактно-гуманистическую роль, а имела вполне конкретную классовую цель. Она являлась составной частью их общего замысла создания широких общественно-политических коалиций, способных нанести удар «изнутри» по западному блоку.

Во многих странах, включая и Грецию, компартии использовали в своей пропагандистской работе тезис «военной угрозы», исходившей из США. Как показали события, сталинская «стратегия мира» проводилась в Греции достаточно пунктуально.

К началу 1953 г. все очевидней выявлялось нежелание Кремля обострять отношения ни с Грецией, ни с Турцией, являвшимися членами НАТО и Балканского пакта. Это настроение выразилось в стремлении избегать даже в пропаганде излишней драматизации положения. Так, в частности, фраза радиокomentатора радиостанции КПГ «Свободная Греция» о том, что «лихорадочная спешка американских и местных бандитов создает беспокойство в рядах народных масс, которые видят близкую угрозу войны», расценивалась экспертами из ЦК КПСС как неправильная. Делался вывод, что «подобные утверждения сеют военный психоз».

Вместе с тем, подозрения в отношении политических маневров каждого из блоков были настолько высоки, что изменения во внешнеполитических подходах Москвы, начавшиеся после смерти Сталина, серьезно обеспокоили американскую дипломатию. Она рассматривала их как более изощренные, чем те, которые использовались Кремлем ранее.

Аналитические оценки, сделанные дипломатическими работниками США, отличались жесткостью и настороженностью. Отмечая, что «Советский Союз предпринимает решительные действия с целью улучшения отношений с Грецией», они полагали, и не без основания, что основной мотив подобных шагов - это попытка использовать так называемые мягкие методы в интересах усиления своих позиций в мире и ослабления западного блока, «составной частью которого является Греция». Новая советская политика в Греции рассматривалась как опасная не только для Греции, но и для США³¹.

³⁰ Улуныя. Ар.А. Греческое направление советской внешней политики в информационно-аналитических оценках американской дипломатии (первая половина 50-х гг.)// Сталинское десятилетие холодной войны.

³¹ Там же. С.48-49.

Что там говорить о подозрениях в США в отношении внешнеполитических действий Советского Союза, если в самом советском руководстве занятие определенной позиции по тому или иному внешнеполитическому вопросу могло представлять угрозу жизни самому высокопоставленному деятелю.

После смерти Сталина, как это ни парадоксально, Берия возглавил реформаторское направление в советском руководстве. Он предлагал скорейшую нормализацию отношений с Югославией, отказаться от курса на социализм в ГДР и развивать отношения с ФРГ. После ареста Берии в июне 1953 г. именно мирные инициативы были поставлены ему в вину³².

Следующей жертвой внутривластной борьбы в советском руководстве стал Маленков. В августе 1953 г. он впервые в публичном выступлении использовал слово «разрядка», призвал к снижению военного противостояния³³. Хрущев критиковал Маленкова за «теоретически ошибочное и политически вредное утверждение о возможности гибели мировой цивилизации в случае третьей мировой войны». Вскоре Маленков был отстранен от власти. Сменивший его на посту первого лица в государстве Хрущев первоначально выступал с более жестких позиций в отношении западных государств³⁴.

Таким образом, после смерти Сталина отчетливо проявляется отношение советского руководства к области внешней политики, как одной из сфер борьбы за власть.

Шестой период (вторая половина 50-х гг. середина 70-х гг.) - становление биполярного равновесия.

Вторая мировая война оставила глубокий генетический след в менталитете россиян. Выражение – «стерпим все, лишь бы не было войны» - являлось искренней реакцией простых россиян на тяжелые последствия войны. В середине 50-х гг. реакция массового сознания на «германскую угрозу» продолжала оставаться столь же острой, как в годы второй мировой войны.

Советская пропаганда только усиливала массовый страх перед «германской угрозой».

Можно представить себе реакцию советского руководства и российского общества на сообщение о вступлении ФРГ в НАТО? Ответным шагом стало создание в том же 1955 г. Варшавского договора, в который вошли СССР, ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Албания. Это соглашение создавало законные основания для пребывания советских войск на территории этих государств.

Вскоре после смерти Сталина возникли осложнения в политическом руководстве большинства социалистических стран. Причины были различными. За ними скрывались острые проблемы экономического, политического, цивилизационного характера, а также личные амбиции, просчеты и претензии руководителей.

Если в Польше избрание Гомулки на пост руководителя позволило снять напряженность, то в соседней Венгрии детонатором восстания 1956 г. являлось то, что режим Ракоши и его сторонников являлся сталинским реликтом.

В современной историографии нет точного ответа на вопрос, почему Советское руководство резко изменило свою позицию после того, как 29-30 октября 1956 г. начало отвод советских войск из Будапешта.

Например, Рудольф Пихоя связывает резкий поворот в позиции Москвы с вторжением в ночь на 30 октября вооруженных сил Израиля в Египет,

³² Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти, 1945 – 1991. М., 1998. С.109.

³³ Там же. С.131.

³⁴ Там же. С.138.

поддержанный Францией и Великобританией. Советское руководство остро реагировало на нарушение баланса сил в мире. На заседании Политбюро 31 октября Хрущев заявил: «Пересмотреть оценку. Войска не выводить из Венгрии и Будапешта. ...Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов – империалистов»³⁵. Подавление восстания началось 4 ноября.

События 1956-1957 гг. предопределили на десятилетия ход внутрисполитического развития Советского Союза и его внешнюю политику. В 1957 г. Хрущев, разоблачив в сталинском стиле «антипартийную группировку», полностью развязал себе руки для осуществления реформ.

Из всех возможных вариантов реформирования он избрал наиболее осторожный и консервативный, а именно принцип **стабильности номенклатуры**³⁶. Система номенклатуры была устроена на таких условиях, что люди попавшие в нее либо изначально были лишены творческого начала, либо какие-то проблески самостоятельности, свободы и творчества нейтрализовывались. Выбор этого политического курса закрыл саму возможность обсуждения вопроса о реформируемости «реального социализма».

Основные усилия советского руководства были направлены на поддержание любой ценой стратегического паритета с США и его союзниками.

В процессе поддержания динамического равновесия двух сторон мир несколько раз находился на грани ядерной войны (Берлинский кризис, Карибский кризис, война во Вьетнаме, поражение советских союзников на Ближнем Востоке).

Ключевым событием этого периода в советской внешней политике в Восточной Европе стали **события в Чехословакии 1968 г.** В отличие, скажем, от Карибского или Берлинского кризиса, события в Чехословакии не создавали обстановку мирового кризиса. В июле 1968 г. государственный секретарь США заявил, что американцы не хотят вмешиваться в конфликт.

Это дает основание предположить, что основная угроза «социалистическим завоеваниям» исходила не извне, а изнутри самого социалистического лагеря. Член Политбюро, министр иностранных дел Громыко открыто заявлял, что «если мы потеряем Чехословакию, то велик будет соблазн для других»³⁷. Неслучайно наиболее жесткую позицию в чехословацком вопросе занимали руководители Болгарии, Польши, ГДР.

Сегодня без преувеличения можно сказать, что реакция советского руководства в том виде, в котором это имело место в отношении «пражской весны» 1968 г., окончательно похоронила возможности реформирования, как самого Советского Союза, так и всего «социалистического лагеря» и сделала тем самым распад советской сферы влияния неизбежным.

Можно согласиться с выводом Р. Пихои о том, что «драматические события августа 1968 г. вызревали не как межгосударственный, а как межпартийный конфликт, заложниками которого оказались народы наших стран»³⁸.

Примат идеологии над политикой и тем более над внешней политикой отчетливо прослеживается в решении о вводе войск на территорию Чехословакии. Брежневская доктрина «ограниченного суверенитета» обслуживала в первую очередь идеологические цели. Однако идеологическая негибкость, усиление идеологического фундаментализма создавали именно в этой наиболее охраняемой советскими руководителями области предпосылки центробежных тенденций в коммунистическом лагере. Несмотря на

³⁵ Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. С.163.

³⁶ Там же. С.186.

³⁷ Там же. С.327.

³⁸ Там же. С. 343.

сохранявшуюся зависимость от финансирования из Москвы, руководители европейских коммунистических партий все в большей степени демонстрировали свою тактическую и стратегическую независимость от Москвы.

Седьмой период (вторая половина 70-х гг. – середина 80-х гг.) – поддержание биполярного равновесия на пределе сил.

Признание биполярного мира в ходе Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (август 1975 г.) стало самым крупным успехом советской дипломатии в середине 70-х гг. и создавало одну из последних возможностей эволюционной трансформации советского блока в новые формы коллективной безопасности с учетом национальных интересов России. Однако и эта возможность была упущена.

Очередным объектом «внимания» советского руководства стало движение «Солидарность» в Польше. На заседании Политбюро ЦК КПСС 29 октября 1980 г. Секретарь ЦК КПСС Горбачев настаивал на принятии жестких мер в отношении польской оппозиции. Иначе их, коммунистических руководителей самих могут сбросить³⁹. Вопрос о введении военного положения в Польше был инспирирован советским руководством. Вместе с тем, увязнув в Афганистане, советское руководство приняло решение не вводить войска в Польшу, а оказывать экономическое и политическое влияние на развитие ситуации в этой стране. Отказ от ввода войск в Польшу отразил растущую деградацию советского режима.

Эту картину неминуемого краха дополняли нараставшие трудности, подорванного войной в Афганистане и гонкой вооружений неэффективного социалистического хозяйства.

Смена дряхлых Генеральных секретарей, блестяще созданный Рейганом имидж «империи зла», провокация с несчастным сбитым южнокорейским самолетом создавали психологический фон неминуемого всеобщего хаоса.

Восьмой период (вторая половина 80-х гг.) – крах биполярной политики, бегство из Восточной Европы.

С приходом «молодого», 54-летнего Михаила Горбачева в Советском Союзе связывались надежды на реформы во всех областях жизни, на обновление внешнеполитического курса.

Для многих, проживающих за пределами России, удивительным является негативное отношение к деятельности Горбачева как со стороны ортодоксов-коммунистов, так и со стороны последовательных демократов. Первые обвиняют его в разрушении Советского Союза и системы безопасности страны. Вторые в отсутствии последовательных демократических убеждений, некомпетентности и самоуверенности деятеля нарциссического типа.

Безусловным является то, что до прихода к власти Горбачев не имел ни демократических убеждений, ни конкретного плана реформирования Советского Союза и всего советского блока. Ни он сам, ни те, кто его поддерживал или были противниками, не предполагали, что советская система не реформируема.

Дав толчок преобразованиям, Горбачев вскоре сам стал заложником динамично развивающихся событий. Его заслугой являлось то, что он до минимума свел принятие резких решений, которые могли бы поставить мир на грань хаоса и планетарного кризиса. Его недостатками явилось то, что политическая неопытность и самоуверенность не позволили минимизировать

³⁹ Там же. С.403.

негативные последствия вышедших из-под контроля событий для внутриполитического положения в России и ее международных позиций.

С середины 80-х гг. появились симптомы развала Советского Союза изнутри. Советская внешняя политика, которую курировал непосредственно сам Горбачев, все более превращалась в инструмент решения проблем внутренней стабильности. Но самое парадоксальное заключалось в нереалистичной оценке этого положения в советском руководстве. Как показывает запись заседания декабрьского 1998 г. заседания Политбюро среди его членов господствовали оптимистические настроения, что именно Советский Союз является решающим фактором мирового развития⁴⁰.

Провозглашенная программа «нового мышления для СССР и всего мира» являлась не менее утопическим документом, чем идея мировой революции. Надо быть полным дилетантом в области международных отношений, каковыми и были Горбачев и Шеварднадзе, чтобы не понимать: в реальной международной жизни не бывает стерильной независимости малых государств. Уход из Восточной Европы не был закреплен международными договорами, учитывающими национальные интересы России.

С распадом Советской империи прекратил существование «Ялтинский мир», политическая система, созданная державами победительницами после поражения гитлеровской коалиции. Сегодня независимые государства Восточной Европы и Балтии *добровольно* расстаются с частью собственного суверенитета ради решения более важной стратегической задачи – стать составной частью того цивилизованного мира, идеалы которого разделяет большинство населения. *С позиций цивилизационного измерения международных отношений причинно-каузальные связи свободы внешнеполитического выбора детерминируются условиями, при которых возможно выживание конкретного социума.*

Россия в новой геополитической ситуации. Современная Россия оказалась в уникальной ситуации полного отсутствия союзников, правовой, экономической, военной незащищенности территориальных границ с ближайшими соседями, постоянной угрозы целостности самой страны.

Создается впечатление, что правящая элита и общество продолжают жить в мире иллюзий о сохранении Россией статуса великой державы, и в силу этого высокомерно отвергают предложения НАТО о почетной капитуляции после очевидного поражения в «холодной войне». Это состояние может породить как минимум две опасные для судьбы страны ошибки. Первая, попытаться вернуться на путь фронтального противостояния НАТО, что окончательно «добьет» экономику. Вторая, в пик НАТО вооружить южных и восточных соседей и тем самым подписать себе смертный приговор.

Внешняя политика есть инструмент реализации исторического выбора, сделанного российским обществом. В 1991 г. Россия декларировала свой демократический выбор. Однако вплоть до настоящего времени не определилась с выбором государственной модели. Современный исторический опыт показывает, что нет ни одного государства, которое не испытывало бы этнической, национальной или религиозной напряженности в период консолидации. Какая идея может выступить цементирующей силой многонационального и многоконфессионального российского государства?

⁴⁰ Там же. С.546 – 552.

Высказываются крайние точки зрения: быть ли России «русским» (этническим) или «российским» (гражданским) государством? Однако создается впечатление, что современная Россия упорствует в следовании *имперским* вариантам построения государства, которые с управленческой точки зрения являются неэффективными и, как правило, оказываются вне правового поля отношений. Ни в одном из этнических субъектов Российской Федерации титульная нация не имеет большинства. Обеспечение власти этническими лидерами, как правило, сопровождается грубейшим нарушением прав человека. В отношении этнических анклавов центральная власть использует либо методы подкупа этнократии или грубейшего применения силы.

Сегодня бессмысленно обсуждать вопрос о том, кто первым начал нарушать права человека: центральная власть или чеченские лидеры? Главным является то, что конфликтную ситуацию провоцирует сама избранная модель построения российского федерализма. Основным результатом отхода центральной власти и лидеров сепаратистской республики от соблюдения принципов гражданского общества стали бессмысленные человеческие жертвы и закрепление взаимной ненависти в исторической памяти народов. Сложность выбора внешнеполитической стратегии для любого российского политика состоит совсем не в том, как найти согласие в обществе, разделенном на людей с мышлением индустриальной и постиндустриальной эпохи. Первые из них даже не подозревают о сложности вызова, брошенного современной технологической революцией.

Исторические уроки советской внешней политики 1918 – 1991 гг. В представленной работе была предпринята попытка обратить внимание на полифоническое звучание идеологических, цивилизационных, геополитических, нравственных, личностных экономических и других основ обоснования и механизма реализации внешней политики. Казалось бы, на поверхности лежит ответ о примате нравственного начала. Как показывает исторический опыт Советского Союза, история жестоко мстит за нарушение этого принципа. Но это вывод не более чем стерильный и умозрительный ответ исследователя.

